

«Боря, прочитай обязательно этот материал! Шок! Шок!»

Николай РУМЯНЦЕВ

Писать об этом... трудно... горько... больно, но приходится...

То, что это существует в творческой среде, а где-то процветает, известно давно, но когда сталкиваешься с подобным лично, испытываешь чувства самые противоречивые: от полной растерянности и стыда до резкого возмущения. Когда оно предстаёт в образе глубоко уважаемого тобой человека, то происходит болезненное разрушение стереотипа, то ли созданного твоим сознанием, то ли навязанного кем-то извне. Это состояние может продолжаться довольно долго. У меня длилось девять дней. Так не хотелось развенчания, что сознание упорно цеплялось уже не столько за самого человека, сколько за его фантом. Но это пустота, удушающая пустота. Не более.

Двадцать второго октября Дивеевский литературный союз проводил в районном Доме культуры творческий вечер-концерт нижегородца Николая Румянцева «Душа стихами говорит». Это очень известный в литературно-музыкальной среде человек, журналист, а главное — мастер художественного слова, который подвизается, и крайне успешно, на этом поприще уже полвека. Да-да, полвека.

Стихи современных поэтов, порой малоизвестных, но непременно высокого качества, в исполнении Николая Алексеевича приобретают новое звучание, и каждое слово крупным жемчугом ложится на душу слушателя. С первых слов голос Румянцева буквально завораживает, подчиняет себе и вызывает только одно желание — внимать, внимать, внимать тому, что читает этот скромный интеллигентный мужчина. Читает на фоне не менее чарующей музыки, которая обволакивает твоё сознание и растворяет его в себе. С таким чудом члены дивеевской группы нашего международного союза столкнулись впервые.

Зал замер. А Николай Румянцев всё читал и читал: Николая Рачкова — «Прости мне, мама», Александра Люкина — «Если это

забуду», Владимира Гофмана — «Много ль, Господи, надо?», Андрея Ярунина — «Возвращение блудного сына» и других.

Особое внимание этот мастер уделяет творчеству нижегородских авторов. Все присутствующие в зале были погружены и в удивительный голос чтеца, и в невероятно красивую музыку и в глубину звучащих произведений.

Николай Алексеевич иногда делал небольшие паузы и рассказывал предыстории появления в своих программах того или иного произведения.

— Более сорока лет назад в одном из книжных магазинов Нижнего Новгорода, на «макулатурной» полке, я обратил внимание на маленькую невзрачную книжицу, взял её в руки, раскрыл и понял, что не купить её не могу. Там были стихи, которые сопровождают меня по жизни все эти десятилетия. Я их читал когда-то на БАМе, на Олимпиаде-80, на концертах Людмилы Зыкиной, на многих конкурсах и вечерах. Это стихи замечательного удмуртского поэта Олега Поскрёбышева, которые меня с ним впоследствии и подружили на многие годы. И эти стихи называются «Российские Иваны».

Дивеевские поэты встрепенулись.

— А у нас есть «Русские Иваны», — раздалось со второго ряда и откуда-то из середины зала.

А Николай Алексеевич уже читал:

*Не знаю я, мне не ответить,
Кто клевету вложил в уста,
Что будто жил да был на свете
Иван, не помнящий родства.
Но, выставив его разиней,
Кой-кто, зная, сам забыл о том,
Что испокон Иван в России
Был и царём, и мужиком...*

Словно гром прокатился по залу, у многих поэтов от удивления расширились зрачки, а на лицах застыла растерянность:

— Нет? Что это? Что он читает?..

*Он ставил избы, ладил прясла,
Был знахарь, пасечник, бурлак,
Он был царевич распрекрасный
И умница — Иван-дурак...*

Растерянность на лицах сменилась возмущением, почти гневом:

— Нет! Этого не может быть! Этого не может быть! Не может быть!!

А стихи всё звучали и звучали:

*И в честь его так солнцелико,
Его ж руками сотворён,
Возносится Иван Великий
Над белокаменным Кремлём...*

Гнев на лицах заменила беззвучная подавленность...

Стихи ещё продолжались, но уже на фоне безучастности и отрёпленности. Затем были другие стихи, уже наши, в исполнении этого мастера, но они не нашли ни должного внимания, ни удивления. «Русские Иваны» парализовали мозг.

Через какое-то время с первого ряда поднялась наша уважаемая Валентина Анатольевна Пономарёва, давно признанная в нижегородской поэтической среде, из скромного села Нарышкина, и в сопровождении вознесенского прозаика Галины Петровны Катышовой, не поднимая глаз, заспешила на автобус. (Увы, многие из членов дивеевской группы нашего союза находятся «на подвозе», то есть приезжают на мероприятия за два, пятнадцать, тридцать, шестьдесят, сто километров.)

Всё последующее проходило на автопилоте, механически.

Вечер подошёл к концу. Мы благодарили Николая Алексеевича, сделали общий снимок на память, поблагодарили зрителей и пригласили на следующую встречу с нами.

Зрители ещё покидали зал, а ко мне со всех сторон бежали наши поэты и наперебой задавали вопросы: «Что это было? Как же это понимать? Она, выходит, присвоила эти стихи?»

И только Наташа Васильева, наивная простота, кременковская поэтесса, полностью погрузившись в музыку стиха и пропустив его предысторию, радостно окликнула проходящего мимо Николай Румянцева:

— А знаете, Вы сегодня читали стихи «Русские Иваны». Это стихи нашей поэтессы, Валентины Пономарёвой. Женщина сидела на первом ряду, почти напротив Вас. Это её стихи! Это она написала!

Николай Алексеевич скромно промолчал.

— Успокойся, Наташа! Это не она написала, — дотронулась я до её плеча.

— Не она?.. — повторила Наташа, но было видно, что она не понимает, о чём идёт речь.

«Не она...» — висело в воздухе. «Не она...» — оно не хотело растворяться и уходить. Оно просто висело и своей немотой давило на привычное и устоявшееся всё сильнее и сильнее. «Не она...»

Это устоявшееся от невероятного давления покрылось мелкими трещинками и готово было рассыпаться в пыль, просто пыль. Там, где ещё полчаса был вполне осязаемый образ, с которым ты связывал определённые надежды, строил планы, больше не существует. Он умер. Вот так просто взял и умер... А ты стоишь и не веришь в произошедшее. Не хочешь верить, не можешь верить, отказываешься принять это.

— Николай Алексеевич, ещё раз, пожалуйста, напомните, кто автор «Российских Иванов»? — спросила я с плохо скрываемой грустью.

— Олег Поскрёбышев, замечательный поэт из Ижевска. Знаете, я после этих стихов разыскал его, встречался с ним, и мы подружились. Он мне прислал вот такую стопу (Николай Алексеевич поднял ладонь сантиметров на семьдесят над столом) книг. Удивительный поэт. Мы с ним долго переписывались. Но он, к сожалению, давно умер.

Уже на следующий день в «Википедии» я читала о том, что Олег Алексеевич Поскрёбышев (1930–2007) — классик русской поэзии, народный поэт Удмуртии, очеркист, прозаик, публицист, переводчик, автор 27 книг стихов и прозы, член Союза писателей СССР с 1978 года, поэт союзного значения и республиканская гордость Удмуртии.

Я вновь прикасалась к его глубоким произведениям, известным мне под другим авторством, написанным удивительно сочным, самобытным языком, одновременно простым и лиричным. От них веет давно ушедшей патриархальной эпохой, от них веет царской Россией:

*Его толкли подошвы и копыта,
Колёса в грязь вминали у межи.
Но шинами — глядите! — не убит он,
И после каблуков остался жив.*

*Ему б, кажись, обидеться навечно,
Колючкой стать... А он все дни подряд
Чужие лечит раны и увечья,
Корнями помня, как они болят...*

*О. Поскрёбышев. Н. Благову
(сб. «Страда», 1973, с. 17)*

У Валентины Пономарёвой эти стихи называются «Подорожник» и включены в «авторский» сборник: «Люблю эту землю» (2011 г., с. 58; предисловие Л.П. Ковшовой), опубликованы в литературно-художественном журнале «Нижегородская провинция» (2003, № 2, с. 32; гл. ред. Л.П. Ковшова), литературно-художественном православном альманахе «Арина НН» (2012, №20, с. 156; гл. ред. Б.А. Селезнёв, зам. гл. ред. М.Б. Зубова).

*Осенней родины простор,
Дымится иней на отаве,
И листья падают в костёр,
И гаснут, искрами взлетая...*

О. Поскрёбышев.

Осенней родины простор, 1965

У Валентины Пономарёвой это произведение включено в оба «авторских» сборника: «Люблю эту землю» (2011, с. 35, называется «Осень»), «Пусть слово излучает свет» (2017, с. 58, название сохранено) — и в коллективный сборник «Притяжение» (2017, с. 52, название сохранено, ред. А.А. Ломтев), опубликовано в литературно-художественном православном альманахе «Арина НН» (2012, № 20, с. 152).

*Едва-едва зари лоскут
Затрепетал счастливо,
Как тут же — колос к колоску —
Зазолотилась нива.
И не поймёшь, как ни смотри,
Кто занял света боле —
Не то колосья у зари,
Не то заря у поля.*

*О. Поскрёбышев. Едва-едва зари лоскут...
(сб. «Страда», 1973, с. 42)*

Эти стихи я неоднократно включала в подборки союзного издания «Литературное Дивеево». Поклонница пейзажной лирики, я буквально растворяюсь в красоте этих строк, проникаясь особым восхищением пред талантом нашей «поэтессы» Валентины Пономарёвой.

Мне легко понять чувства ещё одной поклонницы её таланта, бывшего сотрудника Вознесенской районной администрации, которая, со слов Валентины Анатольевны, буквально выучила наизусть её сборник «Люблю эту землю», постоянно его цитирует и много помогала в популяризации творчества «самобытного» автора. Легко понять и других поклонников. А их немало в Вознесенском, Дивеевском районах и Сарове. И стихи-то действительно стоящие. Это настоящая высокая поэзия.

Пейзажная лирика «Валентины Пономарёвой» легко уживается с глубокими историко-философскими стихами, посвящёнными тяжёлому периоду жизни будущего классика русской литературы Федора Михайловича Достоевского по пути на каторгу по Сибирскому тракту:

*Под Глазовом,
В деревне Омутница,
В забытой Богом вятской стороне,
Он вырезал —
Не в силах сном забыться —
Свои инициалы на стене...*

*О. Поскрёбышев. Ф. М. Д.
(сб. «Страда», 1973, с. 74)*

Нас потрясали глубина познаний Валентины Анатольевны в области литературы, но это и не удивительно, так как она филолог по образованию, заслуженный, а может быть, и это уже не так, учитель РФ.

Олег Алексеевич Поскрёбышев тоже по образованию был филологом, родом из тех мест, где проходил Сибирский тракт, и хорошо знал то, о чём писал в своём произведении.

Стихи «Валентины Пономарёвой» «Ф. М. Д.» произвели настоящий фурор на одном из наших «Свободных микрофонов» и были включены как в «авторский» сборник «Пусть слово излучает свет» (2017, с. 15, название сохранено), так и в коллективный — «Притяжение» (2017, с. 17, название сохранено).

Расследование плагиата произведений у удмуртского поэта продолжалось недолго, но поразило своей результативностью. В числе произведений, «сменивших» своё авторство, оказались такие произведения, как:

Памятник скорбящей матери // Поскрёбышев О. Страда, 1973. С. 70. У В. Пономарёвой эти стихи опубликованы в сб. «Люблю эту землю» (2011, с. 57);

Возраст // Поскрёбышев О. Страда: сб. ст. 1973. С. 24. У В. Пономарёвой — в сб. «Люблю эту землю» (2011, с. 61; Валентина Анатольевна изменила только первую строку произведения);

Как человеком путь не начат // Поскрёбышев О. Чтоб лился к свету свет: сб. ст. 1999. С. 24. У В. Пономарёвой — в сб. «Люблю эту землю» (2011, с. 56, под названием «Ни для кого») и в литературно-художественном православном альманахе «Арина НН» (2012, № 20, с. 155);

Адресаты признаний моих // Поскрёбышев О. Страда: сб. ст. 1973 г. С. 7. У В. Пономарёвой — в сб. «Люблю эту землю» под названием «Я ничьей не задену души» (2011, с. 68; Валентина Анатольевна опустила здесь первую строфу произведения);

Вновь осеннему желтому краю // Поскрёбышев О. Страда: сб. ст. 1973. С. 35. У В. Пономарёвой — в сб. «Люблю эту землю» под названием «Великий грех» (2011, с. 34).

Понятно, тонко чувствуя и понимая стихи, Валентина Анатольевна выделила в море поэзии стихи Олега Алексеевича и сжилась с ними настолько, что перестала различать истинное авторство. Они чрезвычайно хороши и оригинальны на фоне обыденных виршей.

А может быть, ею двигали совсем иные чувства и цели?

Оставляю это Сердцевидцу*.

Совершенно неожиданно, исследуя очередное произведение на подлинность авторства:

Промотала осень золото.

Осталось серебро.

Утром встану, ахну: «Поле-то

Белёшенько-бело!.. —

я обнаружила второго истинного автора — Анатолия Григорьевича Гребнева, советского врача и поэта, заслуженного работника

* Сердцевидец — Бог.

культуры РФ (2004); члена Союза писателей СССР с 1978 г., автора более 20 сборников, 1941 года рождения, ныне живущего и здравствующего в Перми. Это очень известный уральский поэт.

Валентина Анатольевна сама родом из Пермского края и, видимо, хорошо знакома с творчеством своих талантливых земляков.

Приведённое выше произведение носит название «Первый снег» и входит в сборник А. Гребнева «Родословная» (1977), а у Валентины Пономарёвой — в сборник «Люблю эту землю» (2011, с. 42) и опубликовано в литературно-художественном православном альманахе «Арина НН» (2012, № 20, с. 153).

Затем я обнаружила у В. Пономарёвой ещё одни стихи этого великолепного поэта — «Вдовья песня», посвящённые его матери-солдатке, так и не смирившейся с утратой мужа Григория, отца Анатолия Гребнева, оставшегося на войне. Стихи написаны в далёком 1978 г. У Валентины Пономарёвой эти стихи включены в «авторский» сборник «Люблю эту землю» (2011, с. 49).

А затем другие:

Масленица // Гребнев А. Во власти Родины: сб. ст. Пермь, 2012; опубликованы ранее в журнале «Современник» (август 1971 г.). У В. Пономарёвой — в сб. «Люблю эту землю» (2011, с. 11).

Сильно сокращено и переработано В. Пономарёвой произведение «Опять со мной мои сомненья» (Гребнев А. Во власти Родины. Пермь, 2012; написано задолго до этого). У В. Пономарёвой — в сб. «Люблю эту землю» (2011, с. 84, название сохранено).

Мои грустные размышления прервал неожиданный телефонный звонок. Звонила одна знакомая, известная нижегородская поэтесса, хорошо разбирающаяся в современной литературе, да и в литературе вообще. Она тоже невольно включилась в это расследование.

— Записывай! Виктор Александрович Широков, стихи «Поставь рябиновую ветвь на стол в стакане...»

— Как! И эти стихи не её?

Это одни из любимых стихов Валентины Пономарёвой, она их часто читает и включила во все свои сборники и в подборки для публикации в других изданиях. Истинное авторство — В. Широков, сборник «Рябиновая ветвь» (1974). У В. Пономарёвой они помещены в сборниках «Люблю эту землю» (2011, с. 90), «Пусть слово излучает свет» (2017, с. 6), в коллективном сборнике «При-

тяжение» (2017, с. 8), опубликовано в литературно-художественном православном альманахе «Арина НН» (2012, № 20, с. 157), в литературно-художественном журнале «Нижегородская провинция» (2003, № 2, с. 30), соответственно под её фамилией.

С этого момента моя внутренняя «застылость» стала отогреваться, «оцепенение» — развеиваться, после чего вообще пробил нервный смешок. Так закончился мой девятидневный шок от личной встречи с плагиатом. Одна из моих давних знакомых, наверное, обронила бы по этому поводу фразу: «Взрослеете...»

«Да... уж...» — ответила бы я на необроненное.

Оказалось, что Виктор Александрович Широков — ещё один известный русский поэт, родом из Перми, 1945 года рождения, прозаик, переводчик, эссеист, литературовед и литературный критик. Автор 18 книг стихотворений, 6 книг прозы, более 30 книг переводов с английского и языков народов СССР, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Член Союза писателей и Союза журналистов РФ. В настоящее время живёт и здравствует в Москве.

Велика наша Россия, необъятны её просторы, и неоскудеваема она на таланты человеческие. И в центральной её части, и в самых удалённых уголках живут, работают и творят её удивительные дети. И так было во все времена, и так есть и в наше время. Среди этой нескончаемой, бесценной россыпи российских талантов — парадоксально, но факт — сегодня мало узнаваемых широкой публикой, да что там — даже профессиональной средой лиц, особенно ярких, звёздных. И это напрямую относится и к современной литературе. Отчего так происходит?.. Изучаем классиков и не знаем своих современников.

Многие годы произведения «Валентины Пономарёвой» публиковались известными изданиями, она участвовала в литературных конкурсах, в том числе областных, выступала на вечерах и встречах, издавала «авторские» сборники, составленные из стихов признанных современных поэтов, но никто из опытных редакторов, давних членов СП России, печатающих «её» произведения (а она публиковалась также в журнале «Третья столица», гл. ред. С.Г. Леонтьева, и других) и даже выступающих редакторами её личных сборников, не признал этого чужеродства, но

напротив, они всячески способствовали укреплению этого чужеродства, пусть и невольно, популяризируя её, предлагая рекомендации, со слов самой Валентины Анатольевны, на вступление в СП России, утверждая в этой женщине веру в свою безнаказанность.

После того как в сборнике Валентины Анатольевны были обнаружены стихи её однофамилицы Тамары Пономарёвой «Всё вошло в изначальное русло» (1987), у В.А. они размещены на с. 40 в сб. «Люблю эту землю» (2011), я прекратила своё расследование. И так, всё понятно...

И вдруг я представила, как её внучок, славный мальчик, где-то на школьном празднике с гордостью декламирует стихи своей знаменитой бабушки, а кто-то из взрослых вдруг напористо начинает уточнять авторство этих стихов, а затем громко и гневно называет истинного автора. На мгновение воцаряется тишина, зал замирает от шока. Я буквально увидела изумлённое, испуганное лицо этого ребёнка, увидела, как он, густо покраснев, заплакал и бросился бежать из зала... и заплакала сама...

Ну зачем же так жестоко, Валентина Анатольевна?..

P.S. Дивеевский литературный союз приносит глубокое официальное извинение члену Союза писателей СССР Анатолию Григорьевичу Гребневу, члену Союза писателей и Союза журналистов РФ Виктору Александровичу Широкову, российской поэтессе и прозаику Тамаре Алексеевне Пономарёвой и правопреемникам члена Союза писателей СССР Олега Алексеевича Поскрёбышева за причинённый вред в результате присвоения их произведений членом нашего союза Валентиной Анатольевной Пономарёвой.

В.А. Пономарёва будет исключена из рядов нашего союза как порочащая его репутацию в ноябре 2017 года.

Дивеевский литературный союз проведёт вечер памяти Олега Поскрёбышева и литературные вечера, посвященные творчеству Анатолия Гребнева, Виктора Широкова и Тамары Пономарёвой.

Нелли ЗИМА, председатель Дивеевского литературного союза и региональных отделений Российского союза писателей и Русского литературного клуба, Дивеево, 31 октября 2017 г.